

1502 Москва - 1992 - 5 страниц

КАК СКАЖУ, ТАК И БЫЛО,

Валерий Золотухин известен не только как артист, но и как прозаик. С Владимиром Высоцким его связывала многолетняя дружба и актерская судьба — работа в Московском театре драмы и комедии на Таганке и в кино... Об одном эпизоде этой дружбы — рассказ, который мы публикуем.

или Эпюд

о беглой гласной

Валерий ЗОЛОТУХИН

В скорый поток спешных воспоминаний, негодований, видений и ликований о Владимире Высоцком, мне бы не хотелось тут же всплеснуть и свою ложку дегтя или вывалить свою бочку меда, ибо “конкуренция у гроба”, по выражению Томаса Манна, продолжается, закончится не скоро, и я, по-видимому, еще успею проконкурировать и “прокукарекать” свое слово во славу этого имени. И получить за это, что мне положено. Но сегодня просили меня, не вдаваясь шибко в анализ словотворчества поэта, в оценку его актерской сообразительности, не определяя масштабности явления, а также без попытки употребить его подвиг для нужд личного самоутверждения сообщить какой-нибудь частный случай, пример, эпизод или что-то в этом роде, свидетелем которого являлся бы только я и никто другой. И я согласился, ибо такой частный факт (факт действительного случая или фантазия сообщившего) в любом случае не проверяем на достоверность: как скажу, так и было...

А было так. У меня есть автограф: “Валерию Золотухину — соучастнику “Баньки”... сибирскому мужику и писателю с дружбой Владимир Высоцкий“. Я расшифрую этот автограф.

Судьба подарила мне быть свидетелем, непосредственным соглядатаем сочинения Владимиром Высоцким нескольких своих значительных песен, в том числе моей любимой “Баньки”: “Протопи ты мне баньку по-белому, я от белого света отвык. Угорю я, и мне, угорелому, пар горячий развяжет язык...” Хотя слово “песня” терминологически не подходит к определению жанра подобных созданий. Потомки подберут, ладно.

Итак, “Банька”... 1968 год. Лето. Съёмки фильма “Хозяин тайги”. Сибирь. Красноярский край. Манский район, село Выезжий Лог... Мы жили на постое у хозяйки Анны Филипповны в пустом, брошенном доме ее сына, который оставил все хозяйство матери на продажу и уехал жить в город, как многие из нас. “Мосфильм” определил нам две раскладушки с принадлежностями; на осиротевшей железной панцирной кровати, которую мы для уюта глаза заправили байковым одеялом, всегда лежала гитара, когда не была в деле. И в этом позаброшенном жильё без занавесок на окнах висела почему-то огромная электрическая лампа в пятьсот, однако, свечей. Кем и для кого она была забыта и кому предназначалась светить? Владимир потом говорил, что эту лампу выделил нам мосфильмовский фотограф. Я не помню, значит, фотограф выделил ее ему.

Работал он по ночам. Днем снимался. Иногда он меня будил, чтобы радостью удачной строки мне радость доставить. Удачных строк было довольно, так что... мне в этой компании было весело. А в окна глядели люди — жители Сибири. Постарше поодаль стояли, покуривая или поплеывая семечки, помоложе лежали в бурьяне, может, даже не дыша; они видели живого Высоцкого, они успевали поглядеть, как он работает. А я спал, мне надоело гонять их, а занавески сделать было не из чего. Милицейскую форму я не снимал, чтобы она стала моей второй шкурой для роли, а жители села думали, что я его охранник. Я не шучу, это понятно, в 1968 году моя физиономия была совсем никому незнакома. И ребяташки постарше (а с ними и взрослые, самим-то вроде неловко), когда видели, что мы днем дома, приходили и просили меня как сторожа “показать им живого Высоцкого вблизи”. И я показывал. Вызывал Владимира, шутил, дескать, “выйди, сынку, покажись свосму народу...” Раз пришли, другой, третий, и повадились — “вблизи поглядеть на живого...” И я вежливо и культурно, часто, разумеется, обманно выманивал Володю на крыльцо. Пусть, думаю, народ глядит, когда еще увидит... А потом, думаю (ух, голова!), а чего ради я его за ТАК показываю, когда можно ЗА ЧТО-НИБУДЬ? Другой раз, когда “ходоки” пришли, я говорю: “Несите, ребята, молока ему, тогда покажу”. Молока наносили, батюшки!.. Не за один сеанс, конечно. Я стал сливки снимать, сметану организовали... Излишки в подполье спускал или коллегам относил, творог отбрасывать научился, чуть было масло сбивать не приноворился, но тут Владимир Семенович пресек мое хозяйское усердие. “Кончай, — говорит, — Золотухин, молочную ферму разводить. Заставил весь дом горшками, не пройдешь... Куда нам столько? Вези на базар в выходной день”.